

Дом кино

# ВГЛЯДИТЕСЬ В СТРАННУЮ ЖИЗНЬ

Долгое время мы читали в газетах и журналах, что швед Ингмар Бергман — великий режиссер мирового кино, но убедиться в этом не могли. Мелькнула где то по закрытым просмотрам «Земляничная поляна», потом «Осенняя соната».

А потом что-то сдвинулось в наших кино- и телеинстанциях. Ту же «Сонату» показали по телевидению. А теперь вот в программе «Фестивалл фестивалей» «Фанни и Александр». Спешите увидеть, фестиваль недолог. Впрочем, если вас раздражают длинные диалоги и неспешный сюжет, в котором реальное соседствует с фантастичным — то лучше не спешите.

...Жила-была в начале века в тихом городе на краю Европы одна семья. Бразды правления в ней держала некая вдова, у которой было три сына с женами и детьми. И были еще дом и театр. И слуги. И старый друг, в прошлом любовник, по имени Исаак, единственный, кто может выслушать по-настоящему.

И вот решил старший сын, который был в театре и директором, и режиссером, и актером, поставить «Гамлета» и сыграть роль Призрака-отца. А вышло так, что стал самым настоящим призраком, но увидели это только его дети — дочь Фанни и сын Александр...

Впрочем, бессмысленно пересказывать сюжет. Лучше я перескажу разговор, который произошел у нас с другом, когда мы возвращались из кинотеатра. (Поскольку ему фильм увиделся в черном цвете, то и реплики его мы выделим черным).

— Ну и что? Убил три часа, чтобы увидеть кусок странной жизни и услышать в конце «глубокомысленные» слова о том, что жизнь — это пьеса, где мы играем данные нам роли и где сны перемешаны с явью. Как все это мелко по сравнению с явлениями киноискусства, скажем, с кинематографом Климова!

— Зачем сравнивать совершенно разные вещи? И если уж на то пошло, фильм Климова «Иди и смотри» тоже укладывается в одну простую фразу: «Как жесток фашизм».

— Но твой Бергман оставляет человека совершенно равнодушным. Разве что грубые шутки да эротика привлекут кого-то... Мне кажется, что с таким же успехом он мог бы

снять, скажем, уличный перекресток и три часа крутить его зрителю, считая, что и это шедевр.

— А может, мы совсем потеряли умение вглядываться в тихую жизнь? Интригу нам подавай...

— Да интригует твоя значимость зрителя, только как тяжело! В тягучем повествовании — то вдруг призрак, то избиение ребенка, то горящий человек... А зачем? Да чтобы зал не заснул. Ну зачем, к примеру, Александр попадает в клетку к Исмаэлю, который видит и сквозь стены, и сквозь души?

— Ну, может быть, режиссер хотел сказать, что провидцы нередко считаются опасными для окружающих и их потому держат в клетках? Впрочем, это, наверное, слишком любовое объяснение. Почти все события увидены глазами ребенка, и разве детям не свойственно домысливать увиденное? По-моему, режиссер не хочет быть посредником между героями и зрителями, как бы говоря нам — хотите верьте, хотите нет, я, мол, и сам не знаю, где тут быть, а где небыль.

— Но зачем все это? О чем фильм-то?

— Да все о том же: о том, что всем нам предстоит сыграть роли в пьесе жизни, где сны перемешаны с явью. О том, как неразделимы жизнь и смерть, любовь и ненависть, добро и зло. Об этих очень простых и в то же время очень сложных вещах во все века размышляли все художники, и каждый по-своему. Вот и у Бергмана свой язык, своя стилистика. Вспомни «Осеннюю сонату». Тоже обычная вроде бы семейная история, в которой, если вглядеться, много пластов. Живут две женщины, мать и дочь, любят друг друга, не понимают, ненавидят...

— Да видели... Те же длиноты, и то же сманование беспомощности и болезненности...

В общем, друга своего я не убедил. И не удивительно: фильм из тех, что вызывает споры. Только чтобы спорилось легче, смотреть его надо очень внимательно.

И. САБИТОВ.

Каникулы